

Название этой книги может показаться странным. Понятно, когда говорят о «территориальной идентичности», на худой конец – об идентичности той или иной территории. Но что такое «территории идентичности»?

На самом деле такое заглавие выбрано не случайно. В нем заключены сразу две идеи: первая – о том *месте*, которое занимает *идентичность* в современном дискурсе; о все расширяющейся *территории*, которую этот концепт себе отвоевывает, распространяясь поверх национальных и дисциплинарных *границ*. Превращаясь из абстрактной философской категории, имевшей ограниченное применение в сфере психоанализа и отчасти в психологии личности, в одно из ключевых понятий общественных и гуманитарных наук, он уверенно оккупирует *центр* дискурсивного поля, постепенно оттесняя на его *периферию* прежние аналитические категории – нацию, расу, этничность и особенно социальный класс, Лишенные самостоятельной сущности – качества существительного, все они становятся частными случаями – прилагательными вездесущей идентичности: национальной, расовой, этнической, религиозной, региональной, социальной. Идентичность стала тем универсальным концептом, с помощью которого принято описывать современное общество и его структуру, социальные отношения, коллективные и индивидуальные поиски смысла бытия. «Поиски идентичности», «кризис идентичности», «утрата идентичности» занимают центральное место среди проблем современности. Число публикаций, коллоквиумов и семинаров, в названии которых фигурирует слово «идентичность», растет как снежный ком. Наше время называют «веком идентичностей», периодом «господства идентичностей». Одни приветствуют «возрождение идентичностей», другие предупреждают об опасности их «ужесточения».

Вторая идея – о той роли, которую разнообразные *территории* играют в конструировании индивидуальных и коллективных идентичностей. В центре внимания находится национальная идентич-

ность в ее двух ипостасях: идентичность Франции как страны, государства, нации, с которыми идентифицируют себя ее граждане, и формы идентичности самих граждан, среди которых «французская» идентичность не обязательно является основной. В первом случае предметом исследования является меняющийся со временем образ страны в глазах ее собственного народа (то, что де Голль называл «определенным представлением о Франции» – «*une certaine idée de la France*»). Во втором – представление французов разных поколений, разного социального положения, парижан и «провинциалов» о самих себе и о природе связи, соединяющей их со страной (государством, нацией). Будут рассмотрены также «конкурирующие» с национальным территориальные уровни коллективной идентичности, как инфра-, так и супранациональные.

Такое ограничение территориальным аспектом, оставляющее за кадром нашего рассмотрения другие, не менее важные аспекты идентичности – социальные, политические, гендерные и т. п., – не случайно. Оно объясняется той особой ролью, которую издавна играет пространственно-географический фактор в осмыслении французами своей истории. Об этом свидетельствуют и тот факт, что французской интеллектуальной традиции всегда были более близки идеи географического, нежели биологического детерминизма; и помещение нации в один типологический ряд с другими *территориями* (квартал, город, регион, нация) или характерное словоупотребление «нация Франция» (*nation France*), приравнивающие *нацию* к *стране*, а не к *народу*, как было бы в более привычном русскому уху сочетании «французская нация» (*nation française*); и категоризация «*региональные языки*» или «*региональные культуры*» применительно к тем реалиям, которые в России назвали бы «этническими» или «национальными» (все в том же этническом смысле), и иноказательное обозначение Франции словом «шестиугольник» (фр. *hexagone* – Е.Ф.), отсылающим к ее пространственному образу.

Ф. Бродель писал, что история Франции связана множественными, перекрестными, трудноуловимыми узами с территорией, «которая сплачивает эту страну, служит ей основанием и определенным образом (хотя, разумеется, и далеко не полностью) ее объясняет» (Braudel 1986:27). Он также полагал, что "географическая концепция человечества" представляет собой одно из главных достижений французского обществоведения, и вслед за ее автором П. Видаль де Ла Блашем, размышлявшим над тем, не следует ли признать Францию *существом географическим*, спрашивал себя, не является ли она

порождением географии? Для французской трактовки полисемичного термина *нация* характерны утвердившиеся с первых дней Революции понимание нации как *пространства*, на которое распространяется ее суверенитет, а также представление о нерасторжимом единстве «государства–нации–территории» (Citron, 2009:66-67).

Чтобы оценить, насколько границы пространства суверенитета нации совпадают с границами пространства идентичности ее членов, целесообразно рассматривать нацию как один из таксономических пространственных уровней идентификации, занимающий срединное положение на шкале между локальным и глобальным. Так, собственно, и поступал Ф. Бродель, убежденный в том, что «современное французское пространство, “шестиугольник”, – не единственное измерение, на которое следует ориентироваться. Под ним существуют суб-пространства: регионы, провинции, края, долго сохранявшие, и сохраняющие еще и по сей день, определенную автономию. Над ним – Европа, а над Европой – весь мир» (Braudel, 1986:15).